

КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И.А. БУНИНА*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности когнитивного признака концепта «запах» при его объективации посредством лексем душистый в художественном тексте И.А. Бунина. Многоплановое содержание этого признака связано с категориями художественного пространства и художественного времени, системой героев в тексте и обусловлено авторскими философскими представлениями о жизни.

Ключевые слова: перцептивная лексика, концепт, когнитивный классификационный признак, когнитивные дифференциальные признаки, языковая личность.

«Всякое изображение в искусстве образует представление не только об изображенном, но и – <...> об изображающем», – писал Г.А. Гуковский [1, 200]. К литературе как словесному искусству это относится в большей мере, чем к музыке и живописи, так как именно в языке в силу его эгоцентричности заложена способность отображать субъекта речи – языковую личность автора художественного текста. «Без ориентации на говорящего субъекта язык не обладал бы своей уникальной и удивительной способностью с помощью весьма ограниченных средств достаточно точно и однозначно описывать бесконечные в пространстве и во времени реальные и нереальные миры» [2, 405].

В современной лингвистике изучение языковой личности поэта или писателя, представленного совокупностью художественных текстов, активно развивается. Это направление вызывает интерес, потому что особенности психологического плана и ценностно-установочные критерии изучаемой личности создают «уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее “языка”» [3, 420]. Особое внимание уделяется лингво-когнитивному уровню языковой личности, на котором проявляется отношение языковой личности к основополагающим концептам национальной концептосферы.

Однако следует отметить, что концепты, вербализуемые в художественном тексте перцептивной лексикой, еще не стали пред-

метом серьезного изучения, так как в обычном дискурсе их содержательная часть достаточно стабильна и наименее производна от опыта языковой личности. Но в художественном дискурсе – особом продукте речемыслительной деятельности индивидуума – номинации цвета, звука, запаха, тактильных и вкусовых ощущений вербализуют художественные концепты, содержание которых соотносится не только с перцептивной деятельностью человека, его способностью видеть, слышать, обонять и осязать, но и с его духовной сущностью, памятью, философским осмыслением жизни. На этом основании «перцептивные» концепты, объективированные в художественном тексте, можно назвать «почками сложнейших соцветий мысленных конкретностей», то есть той метафорой, к которой прибегает С.А. Аскольдов-Алексеев при определении сущности художественного концепта [4, 272].

Концепт «запах» относится к числу обобщающих концептов в концептосфере. И в языке, и в художественной речи он характеризуется разветвленной и сложной системой именованных, так как «сема ‘запах’ в семемах русских слов может выступать как категориально-лексическая, дифференциальная, лимитирующая, потенциальная сема» [5, 5].

И.А. Бунин, который «одинаково охотно использовал лексику всех модальностей (исключение составляет лишь ФСП вкуса)» [6, 86], большое внимание уделял и лексике обонятельного восприятия с категориально-лексической семой: глаголу проявления запаха и его дериватам (*запахнуть, пахнуть, пахнувший* и т.д.); существительным, обозначающим запах (*запах, аромат* и т.п.). Вместе с тем в его творчестве «весьма сильны авторские акценты на именах прилагательных» [7, 17]. Среди них наиболее частотны такие лексемы, как *пахучий* (количество употреблений – 68), *душистый* (51), *вонючий* (28), *благовонный* (13), *зловонный* (5) [8].

Одорические прилагательные, к которым обращается И.А. Бунин, образуют в языке особую группу. Ее специфика состоит в том, что она отражает когнитивный классификационный признак ‘сила воздействия запаха в эмоциональной оценке человека’, который

* © Мещерякова О.А.

упорядочивает многочисленные дифференциальные признаки концепта «запах». Примечательным свойством данного классификационного признака является то, что он отражает опыт человека в области обонятельных ощущений на основе субъективного принципа, в то время как классификационные признаки других перцептивных концептов соотносимы с объективной оценкой. Так, для концепта «звук» когнитивным классификационным признаком выступает ‘сила звука’, который в большей степени отражает объективное, чем субъективное познание. Специфика когнитивного классификационного признака ‘сила воздействия запаха в эмоциональной оценке человека’ основывается на том, что обонятельная система анатомически тесно связана с «эмоциональным мозгом» [9, 100]. Поэтому восприятие запахов зависит в первую очередь от воспринимающего субъекта, а сам процесс менее опосредован социальными и культурными факторами, чем восприятие других перцептивных стимулов. В то же время на восприятие запахов влияют пол, физическое состояние организма, «курительные привычки», этническая принадлежность человека. Особенно тесная связь прослеживается между актом перцепции и эмоциональным состоянием воспринимающего [там же].

И.А. Бунин активно употребляет лексемы запаха, которые в своих значениях отражают данный когнитивный классификационный признак. Включение в художественное произведение подобных одоронимов углубляет антропоцентрическую сущность текста. С одной стороны, такой текст сильнее воздействует на читателя, создавая особый аффективно-эмоциональный тон повествования, с другой стороны, он раскрывает особенности самой языковой личности автора.

Специфические черты языковой личности проявляются уже в самом отборе языковых средств, в частотности их употребления. Если, к примеру, в произведениях А.П. Чехова «широко распространены характеристики «тяжелых» запахов, заполняющих замкнутое душное пространство... они часто используются в контекстах с ключевыми словами *душно, угарно, удушливый*» [10, 70–71], то Бунину более свойственны прилагательные, наречия и слова категории состояния, положительно оценивающие запах.

Рассмотрим характер когнитивно-семантической реализации признака ‘сила воздействия запаха в эмоциональной оценке человека’ на примере одной лексемы из названной группы – лексемы *душистый* и ее

дериватов. Анализ примеров употребления данного одоронима в стихах и прозе И.А. Бунина, а также в его художественных переводах, позволяет выявить, какие дифференциальные когнитивные признаки объединены классификационным когнитивным признаком в структуре художественного концепта «запах», объективированного прилагательным *душистый* или однокоренными словами в художественных текстах этого автора.

Согласно обобщающим исследованиям современных ученых, структура любого концепта включает три базовых компонента: образ, информационное содержание, интерпретационное поле [11, 75]. В художественном концепте каждый из них востребован как результат авторского художественного познания и формируется на основе индивидуального опыта отдельной личности.

Образная составляющая когнитивного признака, представленного лексемами *душистый – душисто*, основывается у Бунина на предметно-конкретном мышлении, в силу которого душистый запах предстает некоей субстанцией, наполняющей пространство и существующей во времени.

В описании природы слово *душистый* объективирует в текстах И.А. Бунина представление об открытом пространстве, в котором ощущается приятный запах: *<...> потом начинает сыпать сквозь солнце блестящий дождь, быстро превращающийся от зноя в душистый сосновый пар...* (И.Бунин. Муза). Кроме того, лексема *душистый* включается в номинацию пересечения открытого и закрытого пространства: *Вот вынимают зимние рамы, и наша классная наполняется душистой свежестью и теплом яркого солнца...* (И.Бунин. У истока дней).

Душистый как когнитивный признак концепта «запах» особым образом связан и со временем. В нашей повседневной жизни мы не ощущаем запаха, так как обычно воздух ничем не пахнет. Одороним *душистый*, выступая в качестве пояснительного слова к существительным, обозначающим людей, явления или предметы, позволяет И.А. Бунину репрезентировать представление об определенном промежутке времени, в продолжение которого эти люди, явления или предметы могут источать присущий им аромат. Например, словосочетание *душистая гроза* номинирует признак ‘сильный и приятный запах, существующий во время грозы’: *Туча с юга заволкла все небо, вея теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась от вспышек молний* (И.Бунин. Святые

Горы).

Таким образом, своей образной составляющей художественный концепт «запах», обозначенный вербально с помощью лексемы *душистый*, формирует в художественном тексте И.А. Бунина представление о системе временных и пространственных координат.

Информационное поле общенационального концепта «запах», репрезентированное лексемой *душистый*, включает два признака: ‘сильный’ и ‘приятный’. Об этом свидетельствуют словарные статьи к слову *душистый* в различных словарях: ‘сильно и приятно пахнущий’ [12, 819]; ‘издающий сильный, приятный запах; ароматный, пахучий’ [13, 457]; ‘имеющий приятный сильный запах’ [14, 158].

В художественных текстах И.А. Бунина лексема *душистый* также вербализует признаки ‘сильный’, ‘приятный’. Например: <...> *Тихон Ильич, высокий, седой, строгий, заваривал, стоя у стола, душистый чай* (И. Бунин. Деревня); *Под душистой тенью сосен, // На траве лесной опушки // Старцы, воины сидели* <...> (И. Бунин. Песнь о Гайавате).

Хотя в языке модус «обоняние» не ориентирует на некий медиум как на точку референции [15, 89-93], в авторском сознании признак ‘сильный’ дифференцируется, в первую очередь на основе представления о некоей норме, от которой возможно отклонение в ту или иную сторону. Как характеристика запаха данный признак мыслится Буниным в большей или в меньшей степени. Поэтому при обозначении силы запаха прилагательным или наречием *душистый* – *душисто* возможна экспликация признака ‘очень сильный, выше нормы’ еще и другими лексемами, например, наречием *крепко*: *И вот еще запах: в саду – костер, и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев* (И. Бунин. Антоновские яблоки). Признак ‘очень сильный, выше нормы’, репрезентируемый лексемой *душистый*, может быть подчеркнут имплицитно, например, с помощью глагола *дурманить*, указывающего на сильное воздействие запаха на человека и опосредованно – на силу самого запаха: <...> *дышал всем тем душистым зноем, которым дурманят балы новичков* <...> (И. Бунин. Жизнь Арсеньева). В то же время Бунин может номинировать признак ‘не очень сильный, ниже нормы’, например, используя словосочетание *чуть уловимый*: *Чуть уловимый, по-вечернему душистый дымок тянул откуда-то в остывающем воздухе* (И. Бунин. Захар Воробьев).

Бунину свойственно синестезическое восприятие, объединяющее обонятельное и осязательное ощущение температуры. На этом основании признаки конкретизируются. Так, признак ‘сильный’ может дополняться признаком ‘связанный с воздействием холода’: *Морозило, душистее тянуло от вокзала запахом самовара* (И. Бунин. Деревня); признак ‘приятный’ уточняется признаком ‘связанный с воздействием тепла’: <...> *душистое тепло этого весеннего рая* (И. Бунин. Митина любовь).

Концепт «запах», объективированный языковой единицей *душистый*, имеет интерпретационное поле, обусловленное самой природой перцепции, так как восприятие протекает в сознании индивидуума и определяется субъективным опытом человека. Благодаря этому лексема *душистый* включает в художественную систему текста И.А. Бунина субъекта оценки, то есть человека, воспринимающего и оценивающего приятность запаха.

В лирическом произведении *душистый* говорит об особом состоянии лирического героя. *Все море – как жемчужное зеркало, // Сирень с отливом млечно-золотым. // В дожде закатном радуга сияла. // Теперь душист над саклей тонкий дым* (И. Бунин. Все море – как жемчужное зеркало...). Признаки ‘сильный’, ‘приятный’ в характеристике запаха дыма предстают как субъективные оценки, обусловленные не внешним миром, а лишь гармоничным взглядом на мир самого героя, его восторженным состоянием. Поэтому слово *душистый* объективирует признаки ‘связанный с гармонией, красотой’, ‘вызванный восторгом’.

В прозаическом произведении лексема *душистый* может давать представление об эмоциональном состоянии персонажа. Например, в пейзажах повести «Митина любовь» слово *душистый* употребляется неоднократно и вместе с другими перцептивными словами участвует в номинации признака ‘связанный с обостренными чувствами героя’: *И пошел теплый, сладостный, душистый дождь* (И. Бунин. Митина любовь).

Ассоциативная составляющая соотносится с «человеком воспринимающим». Это может быть не только лирический герой, персонаж, но и сам автор. Так, встретившееся в рассказе «Захар Воробьев» упоминание о *чуть уловимом* <...> *душистом дымке* ассоциируется с представлением об изменчивости внешнего мира: то, что было сильным, может стать слабым. Признак ‘ослабевший силь-

ный', построенный на свойственном писателю принципе амбивалентности, весьма важен для Бунина-автора, когда он рассказывает о неожиданной смерти крепкого и сильного крестьянина.

Развитие ассоциативных смыслов определяется характером тематической зоны, где используется лексема *душистый*.

В описании человека *душистый* выступает как признаковое слово к существительным, обозначающим часть тела человека или волосяной покров. *Позавтракал, расцеловал мягкую, душистую бороду, наобещал быть непременно в следующее воскресенье <...>* (И. Бунин. Галя Ганская). Одновременно *душистый* является средством характеристики героя. В дискурсе героя-повествователя, от лица которого ведется рассказ «Галя Ганская», признак 'приятный' дополняется иным – 'запах от человека, который следит за собой и хочет казаться моложе'. С дополнительным признаком соотносятся данные ранее характеристики: *<...> полуполяк, полухохол, с повадками большого барина <...> держался с нами, при всей разнице наших лет, совсем по-товарищески* (И. Бунин. Галя Ганская).

Признак 'приятный' углубляется и дополняется при включении слова *душистый* в описание женщины. При этом в семеме *душистый* актуализируются семы 'сексуально притягательная', 'возбуждающая желание': *И я в упоении целовал ее душистые руки с колючими перстнями и не знал, что сказать ей, от счастья...* (И. Бунин. Без роду-племени). Причем такое развитие когнитивного признака наблюдается не в собственно авторском дискурсе, а в дискурсе героя-мужчины.

В описании природы признаки 'сильный', 'приятный', репрезентируемые лексемой *душистый*, дополняются признаком 'связанный с изменениями', который определяет различные ассоциации. Например, душистый запах может вызвать представление о чем-то новом, но недолговечном. *В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман <...>* (И. Бунин. Кавказ). В то же время признак 'связанный с изменениями' акцентирует внимание на обновлении самого человека, который составляет с природой единое целое: *И тотчас же соловьиное шелканье, отдававшееся по саду, стало слышнее, напряженная тишина исчезла, и грудь свободно вздохнула душистой сыростью ночи* (И. Бунин. Заря всю ночь). Идеи быстрого меняющегося внешнего мира природы и внутреннего мира человека определяются бу-

нинской философией бытия, основу которого составляет «постоянно проходящее настоящее время» [16, 25].

В описании рукотворного мира у прилагательного *душистый* в роли объекта-носителя признака выступают конкретные предметы, что определяет характер ассоциаций. К примеру, еда, табак и напитки созданы человеком для получения определенного рода удовольствия, поэтому семема *душистый* актуализирует дополнительный признак 'приносящий физическое удовольствие, наслаждение', который подчеркивает утилитарность описываемых предметов. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» одорним *душистый* вписывается в общую картину телесных радостей, абсолютно лишенную духовного начала: *<...> в пятом часу их, освеженных и повеселевших, поили крепким душистым чаем с печеньями* (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско).

В описании «производных» от курения – дыма, угара – признаки 'сильный', 'приятный', вербализуемые прилагательным *душистый*, дополняются признаком 'быстро исчезающий'. С одной стороны, это основывается на восприятии перцептивного признака во времени – душистый аромат сигары или табака не может долго держаться в воздухе, с другой стороны, он связан с пессимистическим мировосприятием И. А. Бунина, осознанием им быстротечности и самой жизни, и всего приятного, что в ней бывает. *В могильной темноте одна моя сигара // Краснеет огоньком, как дивный самоцвет: // Погаснет и она, развеется и след // Ее душистого и тонкого угара...* (И. Бунин. Зеркало).

Таким образом, когнитивный классификационный признак 'сила воздействия запаха в эмоциональной оценке человека', обнаруживающий один из аспектов концепта «запах», вербализуется в художественных текстах И.А. Бунина посредством ряда прилагательных и наречий. Причем этому автору более свойственны слова, положительно оценивающие запах. Одно из них – лексема *душистый* – репрезентирует многочисленные дифференциальные когнитивные признаки, обусловленные художественной когницией И.А. Бунина. В семантическом содержании слова появляются дополнительные признаки, отражающие взгляд на мир самого автора, его понимание природы запаха и его роли в жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.; Л., 1959.
2. Падучева Е.В. Семантические исследования (Се-

- мантика времени и вида; Семантика нарратива). – М., 1996.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
 4. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267 – 279.
 5. Павлова Н.С. Лексика с семей 'запах' в языке, речи, тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
 6. Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1999.
 7. Сидорев В.С. «Пишу русским языком...» // Русская речь. – 1980. – № 5. – С. 17 – 19.
 8. Краснянский В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина. – Елец, 2006. – Часть 1– 2.
 9. Николина Н.А. Мир запахов в художественной прозе А.П. Чехова // Русский язык в школе. – 2004. – № 3. – С. 68 – 74.
 10. Моносова А.Ж., Хомская Е.Д. Изучение эмоциональной сферы методом оценки запахов // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 100 – 106.
 11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж, 2007.
 12. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1: А – Кюринцы.
 13. Словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1981. – Том I. А – И.
 14. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984.
 15. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79 – 96.
 16. Киню Миягава. Диалектика в миниатюре И.А. Бунина «Ночь» // Метафизика И.А. Бунина: межвузовский сборник научных трудов, посвященных творчеству И.А. Бунина. – Воронеж, 2008. – С. 21 – 36.

Источник:

1. Бунин И.А. Собрание сочинений [Электронный ресурс] // Библиотека русской классики: В. Иванов, И. Бунин, А. Блок, И. Бабель: том 2. – М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2005. – Выпуск 1 (CD ROM).

O. Meshcheryakova

THE COGNITIVE SIGN WITHIN BUNIN'S LINGUISTIC PERSONALITY

Abstract: The article explores cognitive sign of the concept “запах” (“smell”) while its objectivization through the lexeme “душистый” (“fragrant”) in the Bunin’s literary text. The multidimensional content of this cognitive sign relates to the fictional space and time categories, composition of characters in the text and is subject to the author’s philosophical views on life.

Key words: perceptive lexis, concept, cognitive classifying signs, cognitive differential signs, linguistic personality.

УДК 800/801

Никитин О.В.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОЛОГИЯ?*

Аннотация. В статье дается ретроспективное представление о формировании и границах термина «филология» с позиции русской академической школы рубежа XIX–XX вв. Осуществлена републикация забытой статьи Ф.Ф. Зелинского «Филология».

Ключевые слова: филология, история, гуманитарное знание, античная культура, индивидуальное творчество, герменевтика, классификация историко-филологических наук.

В современной вузовской и научной практике мы часто сталкиваемся с проблемой понимания и интерпретации термина. Она может быть решена в узком смысле — с

помощью краткой пояснительной заметки, но гораздо важнее установить не только узко-терминологический смысл понятия и сферу его применения, а проникнуть в историко-культурную панораму, в которой он используется. При этом разные эпохи представляли содержательную и внешнюю сторону одного и того же понятия неодинаково.

Наиболее подробную и достоверную характеристику термин «филология» получил в русской дореволюционной школе, стремившейся к синтезу философских, эстетических, литературных и лингвистических приемов при освещении научно-общественного явления, каким была филология в то время.

Это нашло отражение на страницах «Энциклопедического словаря» (издатели

* © Никитин О.В.